

У него простое, доброе имя Какаджан — по-туркменски — папочка. Он и в самом деле любимый папочка для двух своих очаровательных дочек, мечтающих стать актрисами. А еще Какаджан Аширов — отец Туркменского государственного экспериментального молодежного театра. Кстати, распоряжение правительства о создании театра было подписано два года назад, в день рождения Какаджана — 21 марта. Примерно на это же время год спустя выпал большой успех на первую же постановку нового театра — спектакль «Джан». Сколько счастливых совпадений, не правда ли? А если учесть, что сам Какаджан — человек чрезвычайно симпатичный, веселый, озорной, склонный к розыгрышам, то и вовсе покажется, что жизнь его — сплошное везение. Между тем, это далеко не так. Вся его работа в театре — скорее укрощение строптивого. Не умеет Какаджан быть как все, не терпит обыденности, нудного постоянства, не закичивается на чем-то одном, а идет напролом.

Успешно закончил в Москве Высшее театральное училище им. Щепкина, счастливо женился на подающей большие надежды актрисе, был принят в группу Туркменского академического драматического театра имени Молланепеса, где сыграл немало заметных ролей. Но потянуло Какаджана в режиссуру. Два года стажировался у признанного мастера советского театра Андрея Гончарова, воспринял, как отмечал журнал «Театр» (№ 11 за 1982 г.), все то, чем славится его творчество — дух воляности, критического отношения к привычному, раскованность театральных приемов и свежесть в трактовке классических пьес и их героев.

Уроки Гончарова не прошли даром: первый же спектакль Аширова «Укрощение строптивой» В. Шекспира был высоко оценен на декаде Туркменского театра в Москве. Затем были «Доходное место» А. Н. Островского, «Драматическая песня» Б. Равенских и М. Анчарова, «Ящерица» А. Володина, поставленная уже в ТЮЗе, куда пригласили Какаджана главным режиссером. «Ящерица» была показана на театральном фестивале в Тбилиси, где об Аширове заговорили как об одаренном самобытном режиссере.

Но Какаджан мечтал о собственном, ни на кого не похожем театре, не стиснутом привычными рамками и репертуаром. Пластическое решение в «Ящерице» подсказывало новые замыслы. Он решает создать экспериментальный театр, его поддерживают единомышленники, друзья из ТЮЗа, из Академического и кукольного театров. Работали без зарплаты, репетировали на улице, в сквере. У ребят в ходу была шутка: «Вы к главному режиссеру? Он у себя в кабинете — третья скамейка слева...».

Так собрали первый спектакль «Женщина — дьявол» по П. Мериме, надо было

зарабатывать деньгами, ездить на гастроли. А тем временем Какаджан подступался к прозе Андрея Платонова, к его чудесной притче «Джан». Эта повесть не давала покоя вот уже пятнадцать лет. Когда-то Какаджан мечтал снять по ней фильм и сочинил сценарий. Но фильм не разрешили — время Платонова еще не пришло.

«Джан» дождался своего часа в 88 году, когда Аширов сделал инсценировку на русском языке (на туркмен-

почти рай. Спектакль начинается с приезда Назара в пески. На сцене — глубокая впадина — замкнутое пространство. Сценограф Б. Амансахатов сумел создать на сцене образ пустыни — движущиеся, перекатывающиеся от ветра, поющие пески. Режиссером точно и выразительно найдены замедленная пластика движений, мисгообразная световая партитура, мозаичность, перетекание из сцен в сцену. У зрителей, сидящих в зале, пересыхают

жизни, замкнутый круг. В сцене смерти Гюльчатай положат на лестницу — носилки, а на грудь — перевёрнутое дно вверх блюдо — чашу, которая не понадобится матери в загробном мире и перейдет по наследству к девочке Айдым.

...Собираются вокруг Назара люди народа джан. Он старается, чтобы его узнали, хочет обрадовать всех подарками, стремится заразить их идеей возрождения! Вот боком подходит к Назару Сак-

на, двух сильных характеров. Трудно дается Назару победа, он жертвует собой ради народа и, спасая джан, спасает себя. Умирающий от голода и ран, Назар подставляет себя на растерзание орлам для того, чтобы слабешей рукой подстрелить птиц и накормить народ мясом. Назар искренне верит, что мясо убитых им птиц послужит не только для сытости, но и для единения с общей жизнью.

Спасение от голода пришло из Ташкента — два груза из продуктов и домашней утвари. Блюдо умершей Гюльчатай, по воле режиссера, появляется еще раз: в него насыплют муку, позабытую на вкус народом джан. Люди мажут мукой свои лица, и эти белые пятна на смуглой коже похожи на солнечные блики.

И сытостью не удержать Назару народ. Новая жизнь требует труда, а джан разучился работать. Ему привычнее искать в пустыне съедобные корни, птичий гнездо, ловить мелкую рыбу в водных впадинах. Кажется им, что без работы, без хозяина люди равны, их души не знают злости и ожесточения. Джан боится потерять эти драгоценные качества своей души и уходит от Назара.

Потрясает финал спектакля: Назар и Айдым сидят на песке перед керосиновой лампой. Кажется, сама пустыня поет Назару и Айдым чудесную песню прекрасной будущей жизни, и под звуки этой волшебной музыки (композитор Д. Хидиров) раскрываются их сердца навстречу друг другу. От ветра перекатываются песчаные барханы. Они все ближе, ближе к сидящим у огня лампы, и вдруг из песка журавлиным клином вырастают люди — это вернулся народ джан.

Мне выпала редкая удача увидеть спектакль «Джан» в Ашхабаде, а потом побывать за городом, в пустыне, где солнце превращает песок в груды золота, а ветер придает барханам самую причудливую форму. Я смотрела «Джан» вместе с канадскими гостями — директором Канадского международного фестиваля Рашелью Лорси и ее помощником Домиником Брианом. Они не скрывали своего потрясения, уверяли, что на театральных фестивалях не видели ничего подобного, что художник и режиссер сотворили чудо.

«Я сделаю все для того, чтобы «Джан» увидела Канада», — сказала на прощание мадам Лорси. Она сдержала слово: в мае театр Какаджана Аширова удивил канадцев и участников фестиваля. А результат таков: роль Гюльчатай в исполнении Гульнабат Ашировой признана лучшей женской ролью. Кроме того, спектакль «Джан» удостоен приза за лучшую сценографию.

Недавно Какаджану Аширову присвоено звание заслуженного деятеля искусств Туркменской ССР. Он никак не привыкнет к этому — строптивый бродяга из племени джан.

Я жду его новых спектаклей и верю в удачу. Я желаю ему удачи.

В. ДЕИНИЧЕНКО,
наш нешт. корр.

Представляем гостей фестиваля «Навруз-90»

Туркменская искра, Ашхабад - 1990. - 100 кт.

ЗНАКОМЬТЕСЬ:

КАКАДЖАН АШИРОВ

ский Платонов еще не был переведен). Потом долго работал вместе с переводчиком над тем, чтобы платоновское слово не потеряло своего звучания и в туркменском языке.

Сколько сомнений было, не счесть: как показать на сцене пустыню, этот песчаный океан, неподвижность давящего зноя, где причудливая платоновская фантазия поселила исчезающий народ джан — племя беглецов и рабов, детей и стариков, калек и людей, не поладивших с законом. Здесь туркмены и узбеки, таджики и русские, казахи и иранцы — люди, у которых на все одно достоинство — собственная душа — джан, упорно ищущая счастья. По мысли Платонова, никакой народ, даже джан, не может жить врозь: люди подпитывают друг друга не только хлебом, но и духом.

Главный герой повести и спектакля Назар Чагатаев — тоже из народа джан. Когда-то мать Назара — туркменка Гюльчатай — вывела сына на край пустыни и почти прогнала его в люди. Каким-то десятым чувством Гюльчатай осознала тогда в своем мальчике будущего спасителя. Ей было необходимо, чтобы Назар вырос на чужбине, познал всю горечь сиротства, вырос в себе могучий протест против человеческой обездоленности и вернулся к народу джан, чтобы спасти его от гибели. Не пятнадцать лет разлуки отделяют Назара от матери, а целые века. По Платонову утрата матери Чагатаевым — это утрата души и ее поиски всю остальную жизнь. Эта тема возвращения к матери, к теплоте родства стала главной в спектакле Какаджана Аширова.

Со дна пустыни — впадины Сары-Камыша — Назару, вчерашнему московскому студенту, поручено райкомом партии вывести странный, собранный из людей-сирот народ, джан, восстановить в нем понятия о счастье, дать идею земли обетованной,

от жажды губы, и кажется, настоящий песок хрустит на зубах — так сильно воздействие спектакля.

...То скрываясь за барханами, то появляясь из-за них, идет по безлюдным пескам Назар (артист Ч. Вердыев), не вдруг узнавая родные места. Где искать джан? Пусто, лишь ветер свистит и воет. Но вот появляется из песка человеческая рука, а потом выползает из норы старый Суфьян (артист М. Бекиев), узнающий в пришельце мальчика Назара. Двоем откапывают они слепаца Моллу Черкеза (артист А. Оразов) и его дочку Айдым (артистка О. Кулиева). Девочка поведет Назара к людям, поможет собрать их вместе. А до того у Назара встреча с матерью.

...Страшная, дряхлая, полусогнутая старуха в жутких лохмотьях (артистка Г. Аширова) увидела спящего Назара. Она еще не знает, что это ее сын, которого прогнала когда-то из пустыни. Судорожными движениями ощупывает Гюльчатай спящего и не глазами, а руками, хранящими воспоминания о ребенке, узнает сына. Страшный вопль радости, раскаяния, надежды исторгает разбуженное сердце Гюльчатай — вот он, ее мальчик, ее Назар вернулся, значит не умрет теперь народ джан.

Поразительно точно выстраивает Аширов сцену прихода Назара в племя. Каждому наделяет каким-либо предметом, рождающим воспоминания о прежней жизни. У одного это — лестница на плече — по старому туркменскому обычаю она заменяла людям погребальные носилки (после похорон лестницу вертикально вкапывали в могилу для того, чтобы душа умершего поднялась в небо, к аллаху). У другого в руках — складной матерчатый шатер, у третьего — шест с колокольчиками, у четвертого — куклы для походного театра. Старуха Гюльчатай не растает с деревянным блюдом — это, по замыслу режиссера, символ домашнего очага, чаша

саул — немой человек, втиснутый в дыночку из тростника: ему больше нечем прикрыть свою наготу. Назар предлагает ему надеть гимнастерку, но Саксаул не соглашается, что это такое: он нюхает гимнастерку и растягивает ее, и пытается закусить ею шею. И вдруг вздрагивает от крика пролетающих журавлей — это как будто весточка из той жизни, откуда пришел Назар. Рука Саксаула тянется вслед за гордыми птицами, он пытается повторить их курлыканье, но из груди вырываются лишь жалобные всхлипы.

...Оказалось, что одной идеи о лучшей жизни — мало. Больные и голодные люди народа джан, не одолев им далекого пути по пустыне. А тут еще упломоченный райисполкома, Нур-Мухаммад (артист Т. Аннабердыев) ждет не дожидается, пока все поумирают. Чуть занемог или отстал человек, закапывает его Нур-Мухаммад в песок и делает отметку в своей тетради — для отчета в райисполкоме. Непонятно ему: зачем разыскивать народ джан, зачем заботиться о его спасении? Люди джан не жильцы и не работники: когда-то рабский труд выел им душу, и теперь люди стремятся уйти в землю, как в крепость. А он, Нур-Мухаммад, поможет им в этом и как закопает последнего, так и кончит его служебная командировка в пустыне.

Помехой Нур-Мухаммаду стал Назар. Не может допустить он смерти народа джан: стремится преодолеть отчуждение между людьми и миром. Поединок Назара с Нур-Мухаммадом — это, по замыслу режиссера, борьба двух идей, двух мировоззре-